

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА КАК ИНСТРУМЕНТ СОВЛАДАНИЯ?

Е. И. Кудрявцева

*кандидат психологических наук,
доцент департамента менеджмента, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: eikudriavtseva@hse.ru*

Потребность в психологических исследованиях и психологической поддержке различных видов деятельности в пандемию COVID-19 может рассматриваться как период «третьего пришествия» психологической науки в пространство социального дискурса. Вслед за расцветом первой трети XX века и повышенным вниманием 1960–1970 гг. психология вновь заявляет себя как общественно значимая наука, отвечающая самым актуальным и глобальным потребностям человечества. Анализируются перспективы удержания психологической наукой статуса инструмента коллективного совладания в условиях глобального вызова.

Ключевые слова: психологическая наука, социальный дискурс, COVID-19, совладание.

DOES PSYCHOLOGICAL SCIENCE BE A COPING INSTRUMENTS?

The needs for psychological research and psychological support for various activities in the pandemic COVID-19 can be considered as the period of the “third coming” of psychological science into the space of social discourse. Following the heyday of the first third of the 20th century and the increased attention of 1960–1970, psychology again declares itself as a socially significant science that meets the most pressing and global needs of mankind. Prospects of psychological science holding the status of collective coping instrument in conditions of global challenge are analyzed.

Keywords: scientific psychology, social discourse, COVID-19, coping.

История развития психологии как фундаментальной науки и системы прикладных знаний показывает, что общество проявляет повышенный интерес к психологическому знанию именно в те моменты, когда происходит переопределение сущности социального бытия, его смыслов и оснований. Как следует из посылки о том, что психология формируется обществом, а общества складываются исторически [8], она должна осмысляться как историческая наука [10], раскрывая ключевые смыслы, формируемые теми или иными периодами человеческой истории и демонстрируя как основные человеческие запросы, так и способы ответа на них.

Пандемия COVID-19 создала ситуацию, в которой с невероятной силой актуализировались темы прикладной и фундаментальной психологии, захватывая все большее внимание средств массовой информации, наиболее ярко отражающих логику и структуру социального дискурса. По мнению С. Райхера (члена редакционного совета SAGE и Independent SAGE), тот интерес к психологии и поведенческим наукам, который наблюдается сейчас, не был замечен в течение последних, по крайней мере, 40 лет [15]. Таким образом, он датирует предыдущий бум интереса не позднее 1980-х годов, предположительно, связывая его с зарождением когнитивной психологии на стыке нескольких наук, интенсивно развивавшихся в 1960–1970-х годах. Это был период второго взлета общественного внимания к научной психоло-

гии. Он был инспирирован началом новой «волны развития человечества» [21], эпохи, которая стартовала десятилетием великих космических освоений и продолжилась развитием когнитивных знаний и началом нейронаук. Именно в этот период психология стала интересна ширящейся армии менеджеров, а психологические факультеты стали обязательным атрибутом большинства университетов. А еще ранее, в первой трети XX века, состоялось первое общественное признание психологии в статусе науки, затрагивающей интересы всего человечества. Тогда актуальными были вопросы управления массовым поведением и развития производительности индустриализированного труда.

Психологическая наука актуализируется в социальном дискурсе благодаря стечению трех факторов [17]. Во-первых, это особые ресурсы и инфраструктура, способствующие включению психологии как науки в существующие и развивающиеся институции. Во-вторых, это особый социальный климат, способствующий существованию психологии в качестве легитимной специальности, признаваемой и поддерживаемой запросами общества. Наконец, это формирующаяся академическая традиция, связанная с утверждением и распространением психологических теорий и концепций в широкой академической среде. Три группы факторов способствуют тому, что отдельные результаты теоретических и экспериментальных изысканий приводят к формированию психологического знания – общечеловеческого ресурса, позволяющего решать как глобальные, так локальные и рутинные задачи человеческого бытия.

Так можно ли назвать нынешнюю ситуацию временем «третьего пришествия» психологии в структуру общественного дискурса и предания ей статуса одной из наиболее важных наук? Будет ли она восприниматься обществом так, как ее понимают психологи? Как точно заметила Э. Роудз: «Что, если психология все-таки имеет значение?» [14]. Основания для ответов на эти вопросы можно почерпнуть в аналитике современного социального дискурса.

Согласно уже упомянутому высказыванию С. Райхера, возникает новая институционализация научной психологии за счет того, что политические институции, которые ранее не включали психологов в свои ряды, стали активно это делать, а темы, еще недавно обсуждаемые только в учебных аудиториях психологических факультетов или на страницах специализированных научных изданий, стали предметами самых массовых ток-шоу [15, с. 2]. Основой такого институционального включения является осознаваемая всеми потребность обуздания пандемии за счет развития соответствующих форм поведения. Даже временное и локальное институциональное сжатие в виде закрытия организаций или сокращения рабочих мест [2] не может ограничить этот институциональный всплеск.

Анализируя социальный климат, способствующий или препятствующий институционализации психологии как фундаментальной науки в структуре социального дискурса и общественного сознания, следует остановиться на идее о «двух психологиях», двух взглядах на поведение, противопоставление которых оказывается наиболее критичным именно в период пандемии [13]. «Первая психология» постулирует усугубляющуюся в период любого кризиса приверженность патернализму и вере в силу «агентов голубого света» – экстренных служб. Это взгляд расценивает людей как носителей хрупкой рациональности, подвергающейся предубеждениям в период неопределенности. Подтверждением тому служат примеры распространения представлений о COVID-19 как «болезни неразборчивых богатых» (Мексика). Эта специфическая латиноамериканская версия привела к сооружению баррикад, препятствующих перемещению обеспеченных людей к излюбленным местам их отдыха в Чили [12]. Сходные по степени иррациональности убеждения приводят к тому, что представители экстренных служб (медицинские работники, осуществляющие уход за больными), становятся не только символами самоотверженной борьбы, но и олицетворением опасности и смерти [6]. Психология смещения ответственности является существенным препятствием реализации даже самых простых антипандемических мер. «Вторая психология» – это система представлений о силе коллективного ответа вызовам, о стремлении людей к объединению и взаимопомощи, самоорганизации и поиску быстрых ответов на резкие изменения. Так, глубинные

интервью, проведенные в Бразилии [18], показали, что социальное восприятие пандемии содержит позитивные коннотации. Ситуация экстренной мобилизации в ответ на угрозу интерпретируется как «урок человечеству» и символ «начала перемен», как актуализация гуманистических трендов в системе социальных практик. Только направленное развитие настроений, связанных с этой, «второй психологией» может гарантированно служить основанием восприятия научной психологии как источника нового баланса понимания жизни, а не только как инструмента сиюминутной персональной поддержки. Запрос помощи, поступающий от носителей «первой психологии», должен быть уравновешен активной инструментальной поддержкой носителей «второй психологии».

Что касается академической традиции, то согласно недавним данным, пандемия привела к сверхлинейному росту объема публикаций, обсуждающих проблемы, связанные с коронавирусом, в 2020 году, в том числе – за счет удвоения объема публикаций (по сравнению с предыдущими годами) в области общественных наук. Выросла доля публикаций, находящихся в открытом доступе (20 % всего объема), по тематике COVID-19 – 87 % открыты для всех [1]. Факты свидетельствуют о том, что научное сообщество, прежде всего – в пространстве гуманитарных наук, направлено на активное распространение знаний и формирование широкой научной коалиции между представителями разных научных дисциплин. Цель этой коалиции заключена в формировании устойчивых целостных представлений о возможностях блокирования эпидемии и о механизмах ее влияния на жизнь людей, как в сам пандемический период, так и по его окончании.

Параллельно с развитием академической открытости все шире развивается дискуссия относительно того, может ли официальная наука считаться единственным источником знаний [19]. Все чаще раздаются голоса в поддержку так называемой гражданской науки, которая расценивается по-разному, особенно – в области гуманитарного знания. Есть свидетельства ее положительного влияния и желательности для решения социально значимых задач [16], но она также подвергается не просто жесткой критике, а описывается как «мусорное ведро» и считается способом размывания академической традиции [7]. Тем не менее, все чаще обычные люди привлекаются к сбору данных, что становится для них важным в том случае, когда они начинают осознавать себя не объектами, а субъектами проводимых исследований, например – при самофиксации настроения или действий вместо ответов на вопросы анкеты [20]. Именно смещение в сторону исследовательской идентичности позволяет решить не только прямые задачи того или иного исследования, но и создать глубокие отсроченные эффекты, такие как развитие системного мышления, повышение интереса к общим основаниям различных наук. Актуальная проблема заключается не в том, что исследования проводят люди, не имеющие официально подтвержденных компетенций. Сложность состоит в том, что даже при использовании всех доступных инструментов свободного обмена данными и исследовательской коммуникации известные варианты реализации открытой науки остаются локальными и не становятся истинным проявлением братства вовлеченных в науку и увлеченных ею [22].

Что же может научная психология сделать сегодня, когда ее голос не просто может быть услышан большинством, а большинство выражает открытую потребность в этом голосе? Достаточно упомянуть эффект введения понятия «социальное дистанцирование», вызвавшего устойчивые ассоциации с угрозами и нарушением идентичности [11], чтобы понять, насколько важно академическим психологам использовать механизмы «быстрого реагирования» и становиться «агентами голубого света», не дожидаясь, пока поступит вызов.

Наука имеет, по крайней мере, три варианта использования: концептуальное применение, инструментальное использование и наращивание потенциала [9]. В условиях глобального вызова, связанного с развитием пандемии COVID-19 и необходимостью ее обуздания, все три формы использования науки оказываются в зоне обостренного социального запроса. Концептуальная сторона заключается в активности применения научного знания для изменения образа мышления и принятия решений, повышения общего уровня осведомленности

и осознанности у людей, имеющих разные социальные статусы и разные роли, то есть – блокирования «первой психологии». Именно поэтому широкое и свободное распространение научных объяснений того, что происходит в данный момент, становится ключевой функцией гуманитарного знания. Инструментальное влияние науки заключается в прямом воздействии на организационно деятельностные больших и малых групп людей: поселенцев, организаций, семей. И в этом направлении важно не только объяснять характеристики принимаемых мер (направленность, время действия, правила), но и обеспечить возможность их реализации. Как оказывается, то, что выглядит как сопротивление мерам, связано с отсутствием ресурсов, а не с особенностями мотивации [15]. Наконец, наращивание потенциала выражается в изменении программ и форм реализации обучения (особенно – на рабочих местах и в связи с работой, так как это направление захватывает большую часть взрослого населения). Обучение все активнее разворачивается в направлении развития мягких навыков, потребность в которых проявилась в период пандемии и изоляции.

Научное сообщество еще до наступления пандемии COVID-19 артикулировало собственную ответственность в связи с вызовами XXI века [3]. Психологи заявляют себя в качестве основной силы, предлагающей инструменты, механизмы и практики совладания с неопределенностью и быстрыми изменениями, принесенными пандемией и организационными мерами ее блокирования. Так как пандемия оказывает влияние в целом на то, что можно назвать психологией устойчивости [5], преодоление как прямого влияния, так и последствий пандемии займет достаточное время. Уже сформулирован перечень основных направлений участия организационных и промышленных психологов в развитии технологий преодоления негативных эффектов пандемии и новых форм осмысления влияния таких глобальных кризисов как пандемия на логику изменений трудовых практик в широкой исторической ретроспективе [4]. Если специалисты, проводящие внутриорганизационные исследования, будут участвовать в системе открытой науки, раскрывая данные и передавая другим результаты своих исследований, интеграция практик научно обоснованного совладания происходила бы более интенсивно. Специалисты, имеющие академическую подготовку, могли бы вести больше блогов, открытых занятий, предоставляя пользователям, испытывающим потребность в психологической помощи, возможность решить многие проблемы самостоятельно, с опорой на систематизированные и структурированные знания. У академической и прикладной психологии есть еще не до конца исчерпанные ресурсы, чтобы превратить внезапно возникшие вызовы в возможности институционального переутверждения психологической науки.

Библиографические ссылки

1. Разумова И. К. Пандемия COVID-19 и режим самоизоляции: влияние на библиометрические показатели и использование научных публикаций. Ч. I. Число и структура публикаций // Наука и научная информация. 2020. № 3 (2–3). С. 166–187.
2. Abrams Z. Economic uncertainty: How COVID-19 has hit psychologists // Monitor on Psychology. 2020. Vol. 51, No. 7. P. 24–25.
3. Reflections on a Science and Technology Agenda for 21st Century Disaster Risk Reduction / A. Aitsi-Selmi et al. // International Journal of Disaster Risk Science. 2016. № 7. P. 1–29.
4. Cort W. R. et al. (2020). Pandemics: Implications for Research and Practice in Industrial and Organizational Psychology [Электронный ресурс] // ResearchGate. May. URL: <https://www.researchgate.net/publication/341582144> (дата обращения: 01.04.2021).
5. El Keshky, M.E.S., Basyouni, S. S., Al Sabban, A. M. (2020). Getting Through COVID-19: The Pandemic's Impact on the Psychology of Sustainability, Quality of Life, and the Global Economy – A Systematic Review [Электронный ресурс] // Frontiers in Psychology. 11. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7688781/> (дата обращения: 01.04.2021).
6. Felicien K. K., Fabrice D. A., Fabrice S. A. Social representations of Covid-19 and stigmatization of healthcare personnel and people attained by abidjanese populations, Cote d'Ivoire // Technium Social Sciences Journal, Technium Science. 2020. Vol. 9 (1). P. 352–363.

7. Geppert M., Hollinshead, G. (2017). Signs of dystopia and demoralization in global academia: Reflections on the precarious and destructive effects of the colonization of the Lebenswelt // *Critical Perspectives on International Business*. Vol. 13(2). P. 136–150.

8. Henrich J, Heine S. J., Norenzayan A. The weirdest people in the world? // *The Behavioral and brain sciences*. 2010. Vol. 33 (2–3). P. 61–83.

9. Flows of knowledge, expertise and influence: a method for assessing policy and practice impacts from social science research / C. L. Meagher et al. // *Research Evaluation*. 2008. Vol. 17(3). P. 163–173.

10. Muthukrishna M., Henrich J. A problem in theory // *Nature Human Behaviour*. 2019. Vol. 3(3). P. 221–229.

11. Nerlich B., Jaspal R. Social representations of ‘social distancing’ in response to COVID-19 in the UK media [Электронный ресурс] // *Current Sociology*. 2021. Vol. 2. URL: <https://doi.org/10.1177/0011392121990030> (дата обращения: 01.04.2021).

12. Páez D., Pérez J. A. Social representations of COVID-19 [Электронный ресурс] // *International Journal of Social Psychology (Revista de Psicología Social)*. 2020. Vol. 35, Iss. 3. P. 600–610.

13. Reicher S., Drury J., Stott C. The two psychologies and Coronavirus // *The Psychologist*. 2020. April. P. 12–13.

14. Rhodes E. What if psychology mattered? // *The Psychologist*. 2019, July. P. 11–13.

15. Rhodes E., Sutton J. There are no good options // *The Psychologist*. 2021, March. P. 2–3.

16. Ten principles of citizen science / L. D. Robinson et al. // Hecker S., Haklay M., Bowser A., Makuch Z., Vogel J., Bonn A. (Eds). *Citizen science: Innovation in open science, society and policy*. UCL Press, London, 2018. P. 27–40.

17. Shiraev E. *A History of Psychology: A Global Perspective*. (2d Edition). George Mason University, USA, 2014.

18. Social Representations and Ideology: Theories of Common Sense About COVID-19 Among Middle-Class Brazilians and Their Ideological Implications [Электронный ресурс] / L. G. S. Souza et al. // *Journal of Social and Political Psychology*. 2021. Vol. 9(1). P. 105–122.

19. Stevove M. Reflections on science-society relationship Improving scientific communication and practice [Электронный ресурс] // *EASST Review*. 2016. Vol. 35(4). URL: <https://easst.net/article/reflections-on-science-society-relationship-improving-scientific-communication-and-practice/> (дата обращения: 01.04.2021).

20. Citizen science in the social sciences and humanities: The power of interdisciplinarity / L. Tauginienė et al. // *Palgrave Communications*. 2020. Vol. 6. Article number: 89. URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-020-0471-y> (дата обращения: 01.04.2021).

21. Toffler A. *The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow* (1st Edition). Bantam. 1984.

22. Whitaker K., Guest O. #bropenscience is broken science // *The Psychologist*. November. 2020. Vol. 33. P. 34–37.

© Кудрявцева Е. И., 2021